

Каблучкова Т.В.

Отзыв на VIII Международную конференцию МААП «Отцы и дети» (Москва, 5-7 октября 2012)

VIII конференция МААП для меня прошла в новом режиме – дистанционно, как вебинар. Это несколько необычная форма участия оказала особое влияние на восприятие происходящего – как в теоретическом, так и в организационном и эмоциональном плане. Во-первых, я впервые не конспектировала выступления, что, с одной стороны, освободило ум для свободно-текущего внимания к излагаемому докладчиком, с другой – не оставило материальных следов воспринятого, пропущенного через себя, ибо любой конспект той или иной долей своей является творением конспектирующего. На данной же конференции лекции приглашённых гостей прилагались в электронном, то бишь очищенном от слушателей, виде. Всё вместе – и моё физическое отсутствие в пространстве Международного университета в Москве при одновременном виртуальном присутствии в одной из его аудиторий, и отсутствие моих конспектов с наличием перевода лекций, выложенных организаторами в электронной библиотеке, – создало парадоксальное ощущение прикосновения к незримому, как попадание в психическую реальность, очищенную от материальных объектов, как удовлетворение от возвращённой проекции, смешанное с разочарованием утраты контакта с её носителем.

Удивительное пространство вебинара, тесный контакт с другими его участниками через непрерывное общение в чате параллельно с происходящим в малом зале действием позволило производить эмоциональную разрядку непосредственно по мере возникновения душевного отклика, а не кумулятивно в короткие паузы между лекциями и воркшопами. И для меня это было огромным плюсом, особенно в моменты неприятия либо материала, излагаемого выступающим, либо самой манеры его изложения. Наиболее показательным в этом смысле было резкое оживление безмолвного общения участников вебинара на воркшопах Жемчужниковой и Лебедько и лекции Ребеко...

Теперь впечатления о теоретической части конференции и её носителях. Главным лицом «Отцов и детей» этой осенью стал Луиджи Зойя. Я прочла две его книги до того, как увидела его «вживую» (то есть «вэкранный»): «Созидание души» и «Наркомания: патология или поиск инициации». Первая произвела на меня глубокое впечатление новой интерпретацией мифа об Эдипе как человеке, стремящемся к запретному знанию, а не запретному сексуальному объекту. Вторая показалась достаточно простой и в некотором смысле поверхностной, без углубления в обозначенные омуты. Последнее проявилось, на мой взгляд, и в выступлениях Л.Зойя на московской конференции, хотя, вероятно, прочтение его книги (которое мне ещё предстоит), презентованной тремя докладами автора, может изменить моё впечатление. А может и укрепить (так получилось, например, с Д.Матерсом, чья книга меня крайне разочаровала). Так вот, первая его лекция, посвящённая проявлению отцовства в животном мире, стала для меня таким красным платком корриды. Моё первое биологическое образование, хорошее знание этологии (науки о биологических основах поведения, включая основы понятийного мышления) и систематики, в том числе систематики высших приматов – ближайших современных родственников человека среди животных, а также современной антропологии сделало слушание размышлений Луиджи Зойя о животных и предках современного человека просто мучительным, так как опора в них шла не на фактическую сторону вопроса, достаточно изученного современной зоологией, а на фантазирование о ней. Да, фантазии – неотъемлемая часть функционирования психе, но при научном исследовании ему нужно отводить чётко очерченную область, границы которой отмаркированы обозначением: «Это мои фантазии о предмете размышлений», в то же время включать в своё рассмотрение факты, уже открытые, исследованные и на настоящий момент объективно общепринятые в среде специалистов в данной области человеческого знания об окружающем его внепсихическом мире. Л.Зойя остановился на первом шаге, не сделав более энерго- и времязатратного второго. Помимо того, что реальное положение отцовства в животном мире подобным изложением было искажено, обращение к фактологии помогло бы намного глубже проникнуть в суть этого кусочка архетипического мира, реализовавшего свои разные стороны в разных материальных носителях животного

царства, ибо в животных архетипическая идея воплощается напрямую, буквально, что и облегчает её восприятие «в натуре», если ум исследователя настроен на сублимацию идеи из материи. Остальные две лекции автора «Отца» были интересны, но не захватили. Закономерности исторического изменения образа отца и мужчины в человеческом социуме прослежены довольно скрупулёзно, но, как мне показалось, остались вне координатной сетки закономерностей развития коллективного сознания, стадии которого находят своё отражение и в образе отца, и в образе матери, и в образе отношения того и другого к младенцу на руках. На мой взгляд, связывание мистического соучастия, локальных, абстрактных проекций, центрирования эго-положения и дальнейшей его релятивизации в психическом придало бы дополнительный объём взгляду на маскулинность и его роли в истории человечества.

Почти прямо противоположное впечатление произвела на меня Ева Паттис Зойя. Глубина её метафорического осмысления столь травматического события в жизни женщины, как аборт, стала настоящим откровением. Вкупе с необыкновенно обаятельной внешностью и манерой доклада открывшиеся смыслы стали ещё притягательнее, вовлекая в собственные размышления и амплификации в пространстве тем, затронутых ею. Видимая незатейливость метода сэндворк, показанная на следующем её выступлении, тем не менее, не утратила глубины проникновения в символическое измерение детской души и, более того, вызвала желание поиграть как с методикой, так и с её архетипическими составляющими.

Что касается Вивьен Тибадьё, то эта гостья конференции оказала на меня парадоксальное влияние. Сначала несколько напрягала относительная простота того материала, которому были посвящены её доклады, более всего напоминающие лекции по введению в основы аналитической психологии для непосвящённых. Потом, уже на втором её выступлении особенно выпукло проявился своеобразный стиль изложения, столь спокойный и размеренный, что, не будь у меня интереса к содержанию доклада, мог бы ввести в ступор, напоминающий состояние аналитика при клиентском зеркальном переносе. Но интерес, к счастью, сохранялся довольно стойкий, так как рассмотрение клиентских случаев, при внешней простоте классического юнгианского подхода, было глубоким и очень... вчувствованным, что ли. Самое удивившее меня воздействие докладов Тибадьё произошло в виде послевкусия, когда из всех моментов конференции при рассказе о ней и даже в рабочей аналитической ситуации с клиентами вдруг стали всплывать кусочки лекции именно Вивьен Тибадьё – и про перспективное назначение накопившихся аффектов, и про архетипизацию исторической матери, и про «есть ли жизнь до смерти». В этом-то и парадокс моего восприятия французской докладчицы – в «глубине на самой поверхности», если воспользоваться характеристикой, данной Самуэлсом книге Кюглера «Алхимия дискурса».

И, наконец, тот, кто произвёл на меня просто неизгладимое впечатление и стал истинной «давидовой звездой» осенней конференции – Генри Абрамович. Непередаваемое на словах обаяние, исходящее от этого человека, не удалось задержать даже тысячам километров и тормозному Интернету: оно проникало напрямую в душу, вместе с притчами и анекдотами, сдобренными улыбкой и широкими жестами Абрамовича. Его доклады невозможно пересказывать – только цитировать, как Талмуд. И они, его доклады, как-то сразу находили своё применение в текущей параллельно вебинару клинической работе, – они настолько естественно отражали процессы анализа, насколько может хорошо подобранная форма естественно отражать своё содержание.

Ещё один доклад вызвал мой значимый отклик – доклад Льва Хегая о Деве и Единороге. Несмотря на краткость, он успел проникнуть в архетипические высоты, как луч рога единорога проникает в девственную глубину божественной сапиенции. Эта тема разрабатывалась мною около года назад и потому оказалась близка и понятна. И, как всегда в подобных значимых совпадениях, удивляет не столько проявление интереса другого мыслителя к тому же образу, сколько схожесть найденных в процессе амплификации смыслов: ведь даже в презентации к своему докладу я использовала иллюстрацию одного из гобеленов с единорогом, на которых подробно остановился Лев Аркадьевич. И ещё один момент синхронистичности, порождённый единорогом: в те же дни проведения конференции я читала статью М.-Л. Фон Франц «Ника и воды Стикс», где упоминается трёхногий рогатый осёл из персидской мифологии, стоящий посреди мирового моря Ворукаша, и фон Франц рассуждает о двойственности рога как проникающего оружия и содержащего

сосуда, алексифармакона от любого яда. Впоследствии мне даже сложно было разделить, что же я услышала в докладе Хегая, а что прочла у фон Франц!

Что касается остальных участников и форматов конференции, то на них нет желания останавливаться подробно в силу отсутствия какого-либо значительного собственного отклика. К сожалению, мне не удалось увидеть всеворкшопы, транслированные в рамках вебинара, и есть надежда, что именно то, что я пропустила, было значительно более высоким по качеству смыслового содержания и группового проведения, чем те, на которых я виртуально присутствовала.

В целом, мне очень понравилась VIII осенняя конференция МААП, испытываю огромную благодарность организаторам за возможность присутствовать на ней, находясь в то же время в своём городе (здесь, конечно, особое спасибо тем, кто осуществлял техническую поддержку и неусыпное сопровождение всего вебинара – Гигуце и Дмитрию виват!). Есть хорошее рабочее удовлетворение и от содержательной части, и от созерцания процесса представления своего творческого детища всеми выступающими: лекторами, ведущими воркшопов, супервизорами и супервизируемыми. Надеюсь присоединиться к этому алхимическому действу и в будущем, будь то очно или заочно – как фишка ляжет!